

НОРВЕГИЯ: суверенитет над Шпицбергом или нечто большее?

Акад. МАИСУ А.Ф. Федоров – ВНИРО

Акад. МАИСУ В.С. Злобин – СПбГАВМ

В.А. Слободяник – СПК РК «Миллениум» (г. Мурманск)

В книге «История Норвегии» (М.: Наука, 1980) можно прочесть: «Опыт последних 20 лет свидетельствует о том, что дальнейшее развитие добрососедства и сотрудничества в отношениях между странами полностью отвечает интересам народов Советского Союза и Норвегии и способствует усилению взаимного доверия, разрядки и мира на Европейском континенте».

Однако так ли уж все было благополучно и безоблачно в историческом аспекте и особенно сейчас, в постперестроечный период. Попробуем если не оценить, то хотя бы рассмотреть некоторые исторические факты.

Как известно, первая попытка распространить на Шпицберген национальную юрисдикцию относится еще к периоду «китовых войн», когда многие морские державы стремились получить преимущества для своих китобойных флотилий. С этой целью в 1613 г. Англия указом короля присоединила к британской короне архипелаг под названием «Новая Земля Короля Якова», что обеспечивало монополию англичан на китовый промысел в водах Шпицбергена.

К этому же времени относится и один из первых примеров международного регулирования в области эксплуатации морских биоресурсов, когда в 1617 г. державы, заинтересованные в китобойном промысле, договорились о разделе побережья архипелага Шпицберген и прилегающих вод на промысловые участки.

Следующая попытка национализации земель Шпицбергена относится к 1871 г., когда в Шведско-Норвежской ноте, адресованной Русскому правительству, было заявлено о присоединении территории Шпицбергена к Шведско-Норвежской унии* с целью организации на островах национальных поселений Унии и их охраны («Дипломатическая переписка. Шпицберген. 1871 – 1912 гг. СПб., с. 1–2»).

К этому запросу Российское правительство отнеслось весьма серьезно. Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел России была подготовлена подробная историческая справка.

Полный текст этой справки был опубликован в 1898 г. в журнале «Русское судоходство» (№ 195, с. 8–20), в статье В. Тихомирова «Из прошлого: русские промыслы на Груманте (Шпицберген)».

В частности, в справке указывалось, что «...с 1861 г. начинаются почти ежегодные шведские научные экспедиции на Шпицберген. Ими описаны почти все берега острова и, таким образом, сделано в обширных размерах, так сказать, мирное научное завоевание этой группы островов». Однако в заключительной части справки совершенно четко отображалась роль России в освоении этого архипелага: «...право давности занятия и водворения, несомненно, принадлежит русскому народу, более чем какому-либо другому».

29 июня 1872 г. Швеция отказалась от присоединения архипелага (см.: Советско-Норвежские отношения 1917 – 1955. Сб. док. М., 1997, с. 35). Кроме того, статус Шпицбергена как «ничейной территории» был закреплен на основании обменных нот между Россией и Норвегией в виде «Соглашения 1872 г.», где указывалось, что «целесообразно сохранение существующего до настоящего времени молчаливого признания этой группы островов никому не принадлежащей территории, однако доступной для экономической эксплуатации подданными этих государств» (см.: Архив внешней политики России. Ф. 2-й департамент, 1-5 Р. 1894 – 1905 гг., д. 2/5, л. 109).

Тем не менее, попытки захвата продолжались. Так, к 1896 г. в печати появились сведения о намерениях Норвегии завладеть Шпицбергом, на котором преобладают норвежские интересы и отсутствует какая-либо власть. Министр иностранных дел России дал указание русскому Посланнику в Стокгольме проверить достоверность этих сведений. После встречи Посланника со Шведско-Норвежским министром иностранных дел Москве было доложено о том, что «означенный замысел совершенно чужд правительственным кругам Норвегии» (Дипломатическая переписка: Шпицберген. 1871 – 1912, СПб., 1912. Приложение к кн. III Изв. Мин. иностранных дел за 1912 г., с. 7).

Но уже в 1898 г. Германия делает попытку завладеть о. Медвежий. Этот шаг вызывает беспокойство особенно в российских военных кругах, так как на Мурмане было начато освоение Екатерининской гавани (ныне г. Полярный) для базирования Российского военно-морского флота. Кроме того, о. Медвежий рассматривался Россией «как станция для морского пути из Балтийского моря в наш Крайний Север и в Сибирь» (Архив внешней политики России. Ф. 2-й департамент, 1-5 р. IV. 1894 – 1910 гг., д. 2/5, л. 17).

С целью выяснения обстановки в июле 1899 г. Военно-морским ведомством России к о. Медвежий был направлен крейсер «Светлана», командир которого получил предписание о том, что «Медвежий остров, как и Шпицберген, является никому не принадлежащей землей, поэтому не следует допускать присоединения к России. Но в тех местах, где окажутся остатки русских поселений, поднимите русский коммерческий флаг и сделайте надписи о принадлежности России исключительно только этих мест острова» (Архив внешней политики, л. 172).

В 1905 г., после расторжения унии со Швецией, Норвегия подтвердила свою приверженность к сохранению архипелагом статуса «ничейной территории». Однако спустя всего 2 года, в 1907 г., Правительство Норвегии обращается к правительствам России, Швеции, Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, Голландии и Дании с предложением заключить международный договор о правовом положении архипелага и создании на Шпицбергене условий, обеспечивающих юридический порядок и возможность правильного использования его природных ресурсов.

В августе 1908 г. Норвежское правительство снова поднимает этот вопрос и получает от России согласие на участие в подготовке Международной конференции по Шпицбергену при условии, что подготовка проекта Международного соглашения будет осуществляться исключительно представителями России, Норвегии и Швеции, как государствами, которые, по отношению к островам архипелага имеют свои особые права и интересы.

К сожалению, позиции России на архипелаге в этот период были существенно ослаблены, так как фактически с момента окончания работы российско-шведской экспедиции в 1901 г. реального присутствия России и ее активной хозяйственной деятельности на Шпицбергене не отмечалось.

Но уже в те годы представлялось совершенно очевидным, что положение Шпицбергена, из чисто географических соображений, является для России стратегическим, так как острова архипелага контролируют единственный выход из Баренцева моря в Атлантический

* До 1814 г. Норвегия входила в унию с Данией, затем перешла в унию со Швецией и только в 1905 г. обрела независимость

океан. Анализируя фактическую ситуацию, МИД России был вынужден заявить, что есть все основания «опасаться, что в самом непродолжительном времени иностранные державы, уже имеющие на Шпицбергене весьма значительные предприятия, отклонят всякое право России на вмешательство в вопросы, относящиеся до земельной территории» (см.: ЦГИАЛ. Ф. 565, оп. 6, д. 23384, л. 1,2).

Однако Россия успела и сумела основательно подготовиться к жесткому отстаиванию своих исторических прав на земли Шпицбергена. Безусловно, особая роль в этом принадлежит известному русскому исследователю В. Русанову, который в 1912 г. прекрасно организовал и блестяще провел на архипелаге русскую экспедицию. Поэтому в окончательном проекте будущего международного соглашения о статусе Шпицбергена были полностью учтены все требования России. Проект Договора о Шпицбергене начал рассматриваться в Христиании 16 июля 1914 г., но заседания были прерваны начавшейся первой мировой войной.

А потом была Великая Октябрьская революция, и на 1/6 части Земли появилось новое, еще никому неизвестное государство – Советская Россия.

И хотя весь прежний российский уклад, как и вся прежняя эпоха, казалось бы, ушли в небытие, российский интерес к Шпицбергену, слава Богу, остался прежним.

Действительно, когда в 1918 г. Германия предприняла еще одну попытку укрепить свои позиции на Шпицбергене, то дополнительно к Брестскому договору, который был подписан 3 марта 1918 г. между Советской Россией, Германией, Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией, была предусмотрена статья о равных правах Германии и России при решении вопросов о будущем архипелага, на основе того, что «договаривающиеся стороны будут стремиться к тому, чтобы обе стороны были поставлены в одинаковое положение» (*Сборник документов внешней политики СССР. М.: Госполитизд., 1959. Т. 1, с. 182–183*).

9 февраля 1920 г. США, Великобритания, Дания, Франция, Италия, Норвегия, Нидерланды и Швеция подписали в Париже Договор о Шпицбергене, согласно которому ничейный Шпицберген признавался норвежской территорией. В ответ еще никем не признанная Советская Республика 12 февраля 1920 г. заявила по радио всем выше перечисленным участникам Договора свое несогласие с присоединением Шпицбергенских островов к Норвегии. А 14 февраля 1920 г. эта нота была опубликована в газете «Известия» № 33 (880)*.

Достаточно резкий тон вышеуказанного заявления заставил задуматься Норвежское правительство, которое отлично представляло, что отсутствие подписи России под Договором о Шпицбергене является весьма серьезным изъяном и чревато непредсказуемыми последствиями.

Стремясь хоть как-то обезопасить себя, Норвежское правительство 20 марта 1920 г. выступило с заявлением о том, что подписанный Договор «нисколько не затрагивает российских интересов на архипелаге и будет способствовать их обеспечению».

Как известно, Договор о Шпицбергене содержит 10 статей и три приложения. Признавая суверенитет Норвегии над Шпицбергеном (ст. 1), Договор предусматривает **обязательное равноправие для всех участников в области рыболовства и охоты на суше и в терводах архипелага шириной в 3 мили** (ч. 1 ст. 2), а также **одинаковый свободный допуск участников договора в воды, фиорды и порты Шпицбергена** (ст. 3) **на условиях полного равенства»**.

Ч. 2 ст. 2 Договора оставляла за Норвегией право принимать меры, «могущие обеспечить сохранение и, если нужно, восстановление флоры и фауны» как на суше, так и в терводах Шпицбергена.

К сожалению, в 20-е годы прошлого столетия уточнить и конкретизировать, какие меры в рамках Договора могла принимать Норвегия, не представлялось возможным, так как никто даже не представлял, насколько неограниченными будут возможности современной экологии. Однако в тексте достаточно четко указано, что **принимаемые меры не могут иметь дискриминационного характера**.

Нужно особо отметить, что суверенитет над Шпицбергеном, против которого первоначально категорически выступала Советская Россия, был получен Норвегией при активнейшем участии дипломатических служб РСФСР.

Главенствующая роль в принятии такого решения принадлежит А.И. Коллонтай – человеку весьма близкому к В.И. Ленину, которая с 1922 г. занимала пост полпреда РСФСР в Норвегии.

Основным лейтмотивом в этой достаточно сложной дипломатической истории являлось то, что Советской Республике было необходимо официальное признание. В конечном итоге получилось так, что в 1924 г. Норвегия признала СССР, а Советское правительство согласилось признать суверенитет Норвегии над Шпицбергеном.

Первыми законодательными актами Норвегии по Шпицбергену были:

Закон «О Шпицбергене» от 17 июля 1925 г. № 11, которым определялось и закреплялось понятие о территории архипелага как части Королевства Норвегии, уточнялись основные положения о правах собственности и регулировался ряд других вопросов;

Королевский декрет «Разработка полезных ископаемых на Шпицбергене» (Горный устав), изданный 7 августа 1925 г. Этим декретом устанавливались и регулировались взаимоотношения в области разработки и добычи угля на архипелаге.

Достаточно долгое время советско-норвежские отношения как на территории архипелага, так и в омывающих его водах развивались вполне удовлетворительно.

Правда, есть основания предполагать, что в послевоенные годы Советским правительством рассматривались некоторые идеи о существенном изменении статуса Шпицбергена. Но дальше МИД СССР эти рассуждения не пошли. Возможно, именно в связи с этим 15 февраля 1947 г. Норвежский стортинг принял резолюцию, в которой отмечалось, что СССР обладает на территории Шпицбергена «особыми экономическими интересами».

Однако постепенно Норвегия начинает проводить политику, ориентированную на единоличное владение Шпицбергенским регионом, активно используя для этого 2 ч. 2 ст. Договора. Этому способствует тот факт, что экология становится достаточно модной наукой в мире, а охрана природы превращается в лейтмотив этого нового научного направления.

Умело используя эти обстоятельства, Норвегия в апреле 1961 г. вводит Королевским декретом принципиально новое для мирового рыболовства понятие «рыболовная граница», ширина которой в территориальных водах определяется в 6 миль, но уже с сентября 1961 г. «рыболовная граница» увеличивается до 12 миль.

В июле 1966 г. появляется Закон № 19 «О рыболовной границе Норвегии и запрете ведения промысла иностранными гражданами в пределах рыболовной границы». Вполне естественно, что при этом условия нахождения и рыбопромысловая деятельность советских судов в водах Шпицбергена все более усложняются.

Минрыбхоз СССР, стараясь не осложнять добрососедских отношений с Норвегией, идет на ряд уступок. Так, в целях хотя бы частичного урегулирования имевшихся разногласий, в течение 1975 – 1976 гг. между СССР и Норвегией заключается ряд соглашений по вопросам рыболовства.

Но уже в 1976 г. Норвегия устанавливает вокруг Шпицбергена 200-мильную экономическую зону (Закон «Об экономической зоне Норвегии» от 17 декабря 1976 г., № 91), совершенно игнорируя при этом тот очевидный факт, что эти воды имеют своеобразный международный статус и любое изменение в режиме их использования должно быть согласовано и одобрено странами – участниками парижского Договора о Шпицбергене.

До настоящего времени остается загадкой, почему участники Договора молчаливо восприняли факт явного нарушения 1 ч. 2 ст. Договора, в которой четко прописано право всех государств, подписывавших Договор, осуществлять рыбные промыслы и охоту в районе архипелага и его терводах.

Но, как говорит русская пословица, «аппетит приходит во время еды», и уже 3 июня 1977 г. МИД Норвегии издает предписание «О рыбоохраняемой зоне архипелага Шпицберген», которое вообще никоим образом не вписывалось в основополагающие статьи Договора о Шпицбергене.

Только Советский Союз выступил 15 июня 1977 г. с нотой, в которой указывалось на противоправное расширение юрисдикции Норвегии в водах архипелага.

Несмотря на то, что рыбоохранная зона Норвегии была признана только двумя участниками Договора – Канадой и Финляндией, Норвегия почему-то до настоящего времени пользуется этим законом в водах архипелага.

Всего несколько дней спустя после появления вышеуказанного предписания, а именно: 13 июня 1977 г., появляется Закон № 42 «О береговой охране», действие которого распространяется не только на внутренние и территориальные воды Норвегии, но и на воды Шпицбергена.

* Опубликована в т. II «Документов внешней политики СССР». М.: Госполитиздат, 1958, с. 368–369

В соответствии с параграфом 9 этого Закона, Норвегии предлагается осуществлять контроль за исполнением таких законов, как:

Закон «О промысле белого медведя» от 22 марта 1957 г. № 4;

Закон «О рыболовной границе Норвегии и запрете промысла иностранными гражданами в территориальных водах Норвегии» от 17 июня 1966 г. № 19;

Закон «Об экономической зоне Норвегии» от 17 декабря 1976 г. № 91;

Закон «О морском рыболовстве» от 3 июня 1983 г. № 40;

Закон «Об участии в рыболовстве и промысле» от 26 марта 1999 г. № 15.

Еще более активно и целенаправленно Норвегия стала проводить законодательскую деятельность по «выдавлению» российского промыслового флота из вод Шпицбергена в постперестроечный период. Например, в течение 1999 – 2004 гг. появляется ряд законов, которые касаются исключительно вод Шпицбергена. Вот только некоторые из них:

Закон № 1489 «О регулировании промысла окуня в территориальных и внутренних водах архипелага Шпицберген» (декабрь 1999 г.);

Закон «О промысле креветки» (2000 г.), в рамках которого генеральный директор Директората по рыболовству может вносить изменения соответствующими предписаниями;

законы 2003 г.: «О спутниковом мониторинге деятельности промысловых судов»; «О запрете промысла синегого палтуса»; «О территориальных водах Норвегии», который с 1 января 2004 г. расширял границы тервод Норвегии с 4 до 12 миль;

Закон «О запрете промысла мойвы» (2004 г.) и т.п.

Все это привело к многочисленным конфликтам между российскими рыбаками и норвежскими властями, в том числе и к таким достаточно крупным, как в июле 1998 г., когда норвежские власти прекратили промысел четырех российских траулеров у о. Медвежий. Следующим прецедентом стал арест траулера «Новокуйбышевск», который в течение суток буксировался в сторону норвежского порта.

В апреле 2001 г. – арест в рыбоохранной зоне и привод в порт Тромсе траулера «Чернигов», что вызвало в России большой общественный и политический резонанс и резко отрицательную реакцию российских властей.

Как известно, последствиями этого инцидента стало появление в районах промысла кораблей Северного ВМФ.

Характерно, что с приходом военных кораблей России (лето 2001 г.) досмотры российских рыболовных судов кораблями норвежской береговой охраны в водах, омывающих Шпицберген, были немедленно прекращены. Однако, как только российские военные корабли ушли из района, прессинг на российских рыбаков был продолжен!

И, наконец, последний случай, произошедший 15–20 октября 2005 г. с траулером «Электрон», капитана которого В. Яранцева, судя по сайту Генпрокуратуры России, еще до прихода в родной порт, обвинили во всех смертных грехах, вплоть до «умышленного лишения двух граждан Королевства Норвегии личной свободы и возможности покинуть рыболовческий траулер». Одним словом, не российский рыбак, а отпетый террорист и гангстер!

Однако, как сообщалось в мурманской газете «Комсомольская правда» от 2 ноября, № 172 (23606) 2005 г., в публикации А. Михайлова и Р. Варенина «На Яранцева завели уголовное дело» (с. 6), зам. руководителя департамента продовольствия, рыбного и сельского хозяйства администрации В. Соколов сообщил следующее: «Комиссия проанализировала все документы, связанные с промыслом судна «Электрон» за 2005 г. Мое мнение: нарушения, которые были найдены, – не более чем административные. Что касается незаконного лишения инспекторов свободы, то ведь Яранцев несколько раз предлагал им покинуть борт, но они отказались».

Анализируя эту историю, можно утверждать, что, несмотря на более чем холодный прием «Электрона» в родном порту, многие мурманчане с пониманием относятся к якобы «противоправным» действиям В. Яранцева, так как капитанам и морякам Мурманна надоело

быть вечными заложниками бесконечных норвежских проверок и досмотров российских судов в водах Шпицбергена. Этот факт находит свое явное подтверждение и в «деле Яранцева». Действительно, занимаясь Яранцевым, власти как-то прошли мимо того очевидного факта, что «бегство» «Электрона» было активно поддержано другими российскими рыбаками, находящимися в море. Так, когда возникло подозрение, что норвежцы могут повести себя не слишком дружелюбно, на помощь «Электрону» немедленно пришел траулер «Григорий Алашкин». Есть основания полагать, что готовы были идти на помощь и другие российские суда. Вероятно, над этим уже почти револьвонным фактом стоит серьезно задуматься.

Вообще с определенной степенью достоверности можно утверждать, что поступок капитана Яранцева – это только начало, но далеко не конец той «рыбной революции», которой сегодня, безусловно, озабочен Мурман!

Кстати, 6 ноября в своей обычной воскресной передаче на ГТРК «Мурман» известный на Севере радиожурналист Д. Ермолаев в беседе с кандидатом исторических наук А. Порцелем на тему «Русский Груммант» достаточно подробно осветил многие вопросы как истории архипелага, так и современного вытеснения России со Шпицбергена. Эта передача еще раз показала мурманчанам, что наши взаимоотношения с Норвегией достаточно сложны не только в рыбохозяйственном плане.

Кроме того, следует особо отметить, что в якобы постоянных нарушениях правил рыболовства российскими рыбаками в водах Шпицбергена имеется, по крайней мере, еще один весьма спорный факт. Так, например, ученые ПИНРО (Н. Сенников и др.) считают, что основные причины разногласий в соблюдении правил рыболовства, касающихся размеров ячеи в орудиях лова, заключаются в том, что российские рыбаки как при промысле в исключительной экономической зоне Российской Федерации, так и в районах Шпицбергена соблюдают нормы, принятые на 10-й сессии Смешанной Советско-Норвежской комиссии по рыболовству, на которой были провозглашены единые правила рыболовства для всей акватории Баренцева моря.

Однако Норвегия без достаточно убедительных биологических обоснований, как считают ученые ПИНРО, **опять таки единоличным решением**, изменила эти нормы и ввела их сначала только в своей экономической зоне, а затем и в рыбопромысловых районах Шпицбергена.

Исходя из вышеизложенного, вырисовывается достаточно интересная картина: мы почему-то все время молчаливо соглашались с тем, что все вопросы о Шпицбергене решает только норвежская сторона, и только в одностороннем порядке. Причем, действительно, **все вопросы**, потому что нечто подобное происходит не только в водах, омывающих архипелаг, но и на землях самого Шпицбергена.

Не пора ли тем, кто несет в России ответственность за **государственную политику**, вспомнить, что наши не только рыбохозяйственные, но и геополитические интересы в Арктике определяются прежде всего географическим положением России.

Конечно же, властным структурам России сегодня хватает дел и без этого региона. Однако, наверное, уже настала пора дать реальную оценку происходящему на Шпицбергене. К этому нас обязывает такой важный документ о национальной безопасности, как «Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года» (2001 г.). В ней четко указано, что «национальная морская политика на арктическом региональном направлении определяется **особой важностью обеспечения свободного выхода российского флота в Атлантику**, богатством исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации, **решающей ролью СФ для оборонно-государства с морских океанических направлений**, а также возрждающимся значением Северного морского пути для устойчивого развития Российской Федерации» (гл. 3, п. 2 «Морской доктрины...»).

Исходя из вышеизложенного, представляется вполне очевидным, что, если Норвегия будет продолжать односторонние действия на архипелаге Шпицберген и в омывающих его водах только ради удовлетворения своих собственных интересов, без каких-либо консультаций и согласований с государствами – участниками парижского Договора «О Шпицбергене», то необходимо на международном уровне поставить вопрос о пересмотре этого договора от 9 февраля 1920 г.

В основу такого пересмотра должны быть положены соглашения, достигнутые в прошлом при подготовке Международной конференции в Христиании (1910 – 1914 гг.) между Норвегией, Швецией и Россией, основанные на **равноправном управлении** архипелагом именно этими государствами, имеющими на Шпицбергене исторически сложившиеся права.